

УДК 14:[330.8+33.018]
doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.14
5.7.7.

Экономическое равновесие между естественной наукой и теологией

Павел Гордок

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, pavel.gordok@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9832-537X>

Аннотация. Статья продолжает проект Джорджо Агамбена по теологической генеалогии экономики и управления, исследуя, каким образом неоклассическая экономическая теория сохраняет и воспроизводит теологический остаток в своей фундаментальной структуре. Автор показывает, что центральный концепт современного экономического мейнстрима, теория общего экономического равновесия, представляет собой секуляризованную форму провиденциальной ойкономии. На основе проведенного Мартином Хайдеггером анализа новоевропейской науки демонстрируется, что математическая формализация экономики возможна лишь потому, что она с самого начала (на этапе классической политэкономии) уже «математична» (греч. *τὰ μαθηματά*): формализованная экономическая теория встроена в новоевропейский проект природы как замкнутой равновесной системы точечных масс. В свою очередь, математические инструменты способствуют натурализации экономического порядка на следующем этапе развития экономического знания, в неоклассической теории. Далее, через обращение к понятию фундаментальной неопределенности у Фрэнка Найта и Джона Мейнарда Кейнса раскрывается структурная диспропорциональность рынка, которую теория равновесия ретроспективно маскирует, превращая в регулятивную фикцию. Психоаналитическая (лакановская) оптика позволяет интерпретировать «невидимую руку», центральную метафору классической экономики, как механизм, действующий через мобилизацию не-отношений и конститутивную невозможность совпадения индивидуального и коллективного планов. В итоге неоклассическая экономическая теория предстает как такая версия равновесного порядка, в которой имманентная гармония достигается именно благодаря тому, что никогда не может быть полностью достигнута; иными словами, как эффект предполагаемой конститутивной диспропорциональности.

Ключевые слова: общее экономическое равновесие, неоклассическая экономическая теория, «невидимая рука», экономическая теология, новоевропейская наука, ойкономия, не-отношения

Для цитирования: Гордок П. Экономическое равновесие между естественной наукой и теологией // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 3. С. 148–158. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.14.

Economic Equilibrium Between Natural Science and Theology

Pavel Gordok

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia pavel.gordok@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9832-537X>

Abstract. The article continues Giorgio Agamben's project of the theological genealogy of economy and government by examining how neoclassical economic theory preserves and reproduces a theological remainder within its fundamental structure. The author demonstrates that the

central concept of contemporary economic mainstream, the theory of general economic equilibrium, represents a secularized form of providential *oikonomia*. Drawing on Martin Heidegger's analysis of modern European science, the paper shows that the mathematical formalization of economics is possible only because it is already "mathematical" from the very beginning (already at the stage of classical political economy) (Gk. *τὰ μαθηματά*): formalized economic theory is inscribed in the modern European project of nature as a closed equilibrium system of point masses. In turn, mathematical tools contribute to the naturalization of economic order at the subsequent stage of economic knowledge, in neoclassical theory. Further, by appealing to the notion of fundamental uncertainty in Frank Knight and John Maynard Keynes, the structural disproportionality of the market is revealed; the disproportionality that equilibrium theory retrospectively masks, turning it into a regulative fiction. The psychoanalytic (Lacanian) perspective allows the "invisible hand", the central metaphor of classical economics, to be interpreted as a mechanism operating through the mobilization of non-relations and the constitutive impossibility of the coincidence between individual and collective plans. Ultimately, neoclassical economic theory appears as a version of equilibrium order in which immanent harmony is achieved precisely because it can never be fully achieved, in other words, as an effect of the presumed constitutive disproportionality.

Keywords: general equilibrium, neoclassical economic theory, "invisible hand", economic theology, modern European science, *oikonomia*, non-relation

For citation: Gordok P. Economic Equilibrium Between Natural Science and Theology. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2026;14(3):148-158. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.14.

Джорджо Агамбен завершает историко-экономическое приложение к работе «Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления» следующим выводом: «Убрав из мира Бога, модерн не только не вышел за рамки теологии, но в известном смысле лишь довел до завершения проект провиденциальной *ойкономии*» [Агамбен 2019, с. 469]. Один из центральных аргументов работы основывается на анализе Дидье Делёля, осуществленном им в книге «Юм и рождение экономического либерализма» [Deleule 1979]. Согласно Делёлю, представители Шотландского Просвещения, Дэвид Юм и Адам Смит, разрабатывают свои натуралистические проекты в противовес французским физиократам, экономическая наука которых «есть не что иное, как "приложение" и перенос природного порядка на "управление обществом"; но "физика", о которой тут идет речь, проистекает из парадигмы божественного управления миром, то есть из комплекса отношений между общими законами и частными случаями, между причинами первичными и вторичными, между целями и средствами, расчет которых является предметом "столь же важного, сколь и блистательного изобретения", каковым является *tableau économique*» [Агамбен 2019, с. 462]. Если физиократы исходили из представления о первоначальном божественном плане, «который можно сравнить с проектом, разработанным неким мозгом», то Юм опирается на идею о том, что порядок формируется имманентно и «функционирует скорее как "чрево", чем как мозг» [Там же, с. 465]. Агамбен подчеркивает, что притязания Юма и Смита, между тем, не противопоставлены теологической (провиденциальной) парадигме основательно: свобода людей, предполагаемая экономическим либерализмом, не сопротивляется божественной воле, но «божественная воля растворяется в свободе людей (и наоборот)» [Там же, с. 468]. Иными словами, управление миром, хотя и осуществляется Богом в абсолютном смысле, выглядит как самоуправление, основанное на хаотичном взаимодействии людей.

Концептуальная фигура либерального экономического учения, которой вменяется теологическая природа и провиденциальное значение, — это «невидимая рука». Широко известно использование метафоры в двух центральных работах Смита, о которых упоминает и Агамбен: «Этот образ появляется в трудах Смита, как известно, дважды: первый раз — в "Теории нравственных чувств", второй — во второй главе четвертой книги "Исследования о природе и причинах богатства народов"» [Агамбен 2019, с. 464]. В обоих местах упоминание метафоры снабжается контекстом, существенно преобра-

жающим ее значение. В «Теории нравственных чувств» речь идет о том, что даже наиболее алчные богачи непреднамеренно способствуют пользе бедняков, общей пользе: «По-видимому, какая-то невидимая рука заставляет их принимать участие в таком же распределении предметов, необходимых для жизни, какое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми. Таким образом, без всякого преднамеренного желания и вовсе того не подозревая, богатый служит общественным интересам и умножению человеческого рода» [Смит 1997, с. 185]. Во втором случае Смит повествует об обычной склонности человека скорее поддерживать отечественное производство, нежели иностранное, – причем руководствуясь лишь собственным интересом, «он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения» [Смит 2016, с. 443]. Общий смысл метафоры заключается в том, что она указывает на мистический, не вполне объяснимый механизм консолидации разрозненных частных интересов без прямого полагания общественных интересов в качестве цели. Агамбенom, однако, упускается третий, обнаруживаемый в «Истории астрономии», случай использования словосочетания, без знания которого «невозможно составить верное представление об интеллектуальной значимости Смита» [Шумпетер 2004, т. 1, с. 233]. «История астрономии» – одно из законченных эссе шотландца из «грандиозного плана “Истории свободных наук и изящных искусств”, от которого он отказался как от “чересчур обширного”» [Там же], впервые опубликованное уже после смерти автора, в 1795 году, хотя и написанное раньше его известных монографий.

В данном эссе Смит конкретизирует, кому, собственно, принадлежит эта рука, используя формулировку «невидимая рука Юпитера». Этим определением автор стремится установить способ, каким древние объясняли необъяснимое – в частности, могущественные и неподвластные контролю силы природы: «Таким образом, для дикаря всякий объект природы, в достаточной мере значимый по своей красоте или величию, полезности или пагубности для того, чтобы привлечь к себе внимание, и чьи проявления к тому же не обладают совершенной регулярностью, – такой объект представляется действующим по воле и намерению некоторой невидимой (invisible) и расчетливой (designing) силы» [Смит 2016, с. 909]. Так, только иррегулярные феномены, соответственно, находящиеся вне разумного объяснения, суть проявления «участия невидимой руки Юпитера» [Там же, с. 910]. Общая интуиция интеллектуалов Просвещения заключается в том, что древние не обладали достаточной разумностью, которая могла бы обеспечить должный уровень объяснения иррегулярных естественных феноменов. Например, Иммануил Кант вводит понятие возвышенного – эстетического чувства, источником которого является страх, сопряженный с восторгом, познанием своей внутренней силы, т. е. способности полагать незначительными частные заботы (имущество, здоровье и жизнь) перед лицом безусловно великого [Кант 1994, с. 132]. Природа динамически возвышенна, поскольку предстает «как могущество, не имеющее над нами власти», она не способна диктовать решения в вопросах личности [Там же, с. 130]. Но для древнего, обладающего слабым разумом, возвышенное не обеспечивает осознание своей мощи перед лицом устрашающего; этот первоначальный неформленный страх, который вообще способствует возникновению чувства возвышенного, созидательно трансформируется лишь под воздействием высшей познавательной способности, устремленной к целостности, – разума. Отсюда, «страх вначале, правда, создал богов (демонов), но разум сумел посредством своих моральных принципов создать понятие Бога ... внутреннее моральное определение цели своего существования восполняло то, чего не хватало познанию природы» [Там же, с. 321]. Отличие жреческого поклонения богам (демонам – или, используя набор Смита, «богам, демонам, ведьмам, духам и феям» [Смит 2016, с. 910]) от смирения перед лицом Бога состоит в том, что второе является формой духовного поклонения, сознательным подчинением воле божественного провидения. Страх перед лицом неизвестного, таким образом, может быть преодолен лишь через обретение устойчивости знания об этом неизвест-

ном, сопричастного моральному (разумному) его определению. В этом смысле чувство возвышенного открывает доступ к самой по себе невозможности познания вещи-в-себе, будучи зеркальной эстетической (чувственной, формальной) вариацией этой невозможности.

Воспроизведение предшествующей линии рассуждений было необходимо для того, чтобы указать на центральную цель настоящего исследования – обнаружить теологический остаток, свойственный неоклассической экономической теории, и тем самым продолжить проект Агамбена на новом материале, которого итальянец не касался. Метафора¹ «невидимой руки» получила свой мистический ореол в неоклассической экономической науке (см.: [Kennedy 2010]). Ее центральным концептом является теория общего экономического равновесия, «зачатки которой можно при внимательном изучении обнаружить уже у Адама Смита»² (цит. по: [Там же, р. 111]). Выдвигаемая здесь гипотеза формулируется следующим образом: неоклассическая экономическая теория воспроизводит теологическую (провиденциальную) парадигму классической политической экономии, способствуя натурализации рыночного порядка посредством внедрения инструментов математической формализации. Последующее исследование призвано наметить ключевые точки анализа, способствующие разработке аргументации для доказательства выдвинутой гипотезы. Следующим теоретическим шагом должен стать критический взгляд на подозреваемую равновесность, или естественность, рыночного порядка; такой шаг возможен благодаря психоаналитической оптике, раскрывающей нормальное (нормативное) как включающее патологическое (диспропорциональное, или асимметричное) по необходимости.

Равновесие в политической экономии и неоклассической экономической науке

Йозеф Шумпетер, обращаясь в своих историко-экономических эссе к фигуре Леона Вальраса, пишет: «Теория экономического равновесия – вот заявка Вальраса на бессмертие, великая теория, кристально ясный ход которой осветил структуру чисто экономических отношений светом единого фундаментального принципа» [Шумпетер 2011, с. 120]. Завершенную форму теория получает в модели Эрроу – Дебрё, обеспечившей общему равновесию математическое доказательство (см.: [Arrow, Debreu 1954]). Открытие американских экономистов, вероятно, способствовало трансформации рецепции «невидимой руки» Адама Смита в экономическом мейнстриме, что подтверждается разницей фрагментов, посвященных «невидимой руке» в изданиях учебного пособия Пола Самуэльсона *Economics* разных лет. Названный учебник считается классическим, «золотым стандартом для обучения экономике во все более глобализованном мире» [Samuelson, Nordhaus 2010, р. xvi]. Текст пережил девятнадцать переизданий, каждое из которых обновлялось вслед за тенденциями «эволюционных изменений в мировой экономике» [Там же]. Если в первом издании Самуэльсон, признавая за Смитом статус основателя современной экономики, тем не менее говорит о «невидимой руке» как о «мистическом принципе, ... согласно которому каждый индивид, преследуя частный (selfish) интерес, словно невидимой рукой направляется к достижению наилучшего блага для всех» (цит. по: [Kennedy 2010, р. 110]), то в последующих изданиях автор вносит «правки, ... которые подтверждают, что он понимал “принцип невидимой руки” как вытекающий из совершенной конкуренции, а впоследствии нашедший свое отражение в Парето-оптимальности, общем равновесии и дилемме заключенного» [Там же, р. 111]. Изменение отчетливо начинается со второго издания 1951 года: например, ссылаясь на Вальраса как первопроходца общего равновесия, Самуэльсон пишет, что истоки теории находятся «уже у Адама Смита» (цит. по: [Там же]). Несмотря на то,

¹ Говоря более точно, риторическая фигура, поскольку метафора предполагает идентификацию одного объекта с другим, о чем некорректно говорить в данном случае, так как Смит не имеет в виду нечто, с чем «невидимая рука» могла бы идентифицироваться (см.: [O'Donnell 2024]).

² Здесь и далее цитаты из иностранных источников даны в переводе П. Гордока.

что статья, представившая миру разработку модели общего равновесия, была опубликована в 1954 году, тремя годами ранее оба ее автора публикуют собственные работы, подготавливающие плодородную почву для полной формализации общего равновесия (см.: [Arrow 1983³; Debreu 1951]).

Примечательно, что основоположники неоклассики демонстрировали различающееся отношение к Смиту. Например, Вальрас, судя по всему, не испытывал прямого влияния со стороны экономиста. На это указывает Шумпетер: «Вальрас ... был французом, и не только по рождению. Стиль его рассуждений и характер его достижений типично французские в том же смысле, в каком таковыми являются пьесы Расина и математические работы Ж. А. Пуанкаре. Французскими были и все корни его достижений. Сам он подчеркивал влияние своего отца Огюста Вальраса и [Антуана Огюстена] Курно. Он оказывал традиционное уважение А. Смиту. Остальные великие англичане для него мало что значили» [Шумпетер 2004, т. 3, с. 1091]⁴. Кроме того, исследование трудов француза и его заметок на полях «Богатства народов» позволяет говорить о том, что он «никогда не подразумевал теоретического сходства идеи “невидимой руки” Адама Смита с его собственной теорией общего равновесия», вовсе не комментируя фрагмент из второй главы четвертой книги магистрального труда шотландца [Misaki 2021]. Другой видный неоклассик, однако, – речь идет об Альфреде Маршалле, «отце экономической науки, какой она существует в Англии сегодня» [Keynes 1924, p. 366], – напротив, нарочито подчеркивал вклад Смита в собственное исследование, вылившееся в «Принципы экономической науки»: «Известно его высказывание: “Все это есть у А. Смита”» [Шумпетер 2004, т. 3, с. 1100]. Отсюда, если верно, что, словами Маршалла, вся его «жизнь была отдана и будет отдана максимальному представлению в реалистичной форме Примечания XXI» из Математического приложения к «Принципам» (цит. по: [Там же, с. 1103]), обосновывающего взаимную зависимость экономических величин, то теорию общего равновесия, которую британец представил лишь в частичной форме, следует по меньшей мере связывать с наследием Смита, включая его общие интуиции относительно экономического равновесия, даже если «невидимая рука» выступила лишь скромной фигурой речи, не заключающей в себе ничего мистического. В конце концов, согласно Смиту, «очевидная и простая система естественной свободы утверждает себя сама собой (establishes itself of its own accord)» [Смит 2016, с. 647]. Таким образом, «невидимая рука», понимаемая в последующей традиции как действительный принцип, – это не ошибочное принятие метафоры за фундаментальную идею, но общепринятое указание на предполагаемые механизмы саморегуляции «системы естественной свободы», позже формализованные в неоклассике. Более точно, речь идет о непредвиденных действиях, спонтанным образом преобразующихся в наилучший (равновесный) порядок. «“То, что невидимо”, зачастую более достойно изучения, чем то, “что видно”» [Маршалл 2012, с. 322].

Анализируя новоевропейскую научную картину мира, Мартин Хайдеггер исходит из посылки, согласно которой в основании современной науки полагается «набросок, проект того, чем впредь надлежит быть природе перед искомым познанием природы: замкнутой в себе системой движущихся, ориентированных в пространстве и времени точечных масс» [Хайдеггер 1993, с. 43]. К проекту, общей схеме природы, которая включает в себя положения о том, что «движение означает пространственное переме-

³ Первая публикация данной работы Эрроу была издана в 1951 году.

⁴ Впрочем, Шумпетер называет среди имеющих для Вальраса значение экономистов представителей физиократии Анна Робера Тюрго и Франсуа Кенэ, доктрины которых приводят к идентичному выводу: «не вмешивайтесь, дайте дорогу» (фр. *laissez-faire, laissez-passer*) [Шумпетер 2004, т. 1, с. 317]. Иначе говоря, экономический либерализм Смита, понимаемый как ограничение политической рациональности в рыночных вопросах, стоит на плечах гигантов французской экономии. (Следует заметить, что указанная максима *laissez-faire, laissez-passer* может восходить к евангельскому сюжету воскрешения Лазаря, в синодальном переводе: «И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет» (Ин. 11:44) [Prasch, Warin 2019].)

щение; никакое движение и направление движения не выделяются среди других; любое место в пространстве подобно любому другому; ни один момент времени не имеет преимущества перед прочими; всякая сила определяется смотря по тому и, стало быть, есть лишь то, что она дает в смысле движения» [Хайдеггер 1993, с. 43], привязано само научное исследование «на каждом из своих исследовательских шагов» [Там же]. Заведомо предполагая замкнутый порядок, гарантирующий совершенно определенное устройство равнозначных по отношению друг к другу элементов, новоевропейская наука предстает как равновесная наука, или наука о равновесии, статика⁵. Рассматривая понятие порядка (лат. *ordo*) у Фомы Аквинского, Агамбен подчеркивает, что порядок одновременно «выражает связь тварных существ относительно Бога» и «отношение тварных существ между собой» [Агамбен 2019, с. 144]. Эта двусмысленность разрешается тем, что содержание «трансцендентного порядка есть порядок имманентный, но суть имманентного порядка есть не что иное, как связь с трансцендентной целью» [Там же, с. 147]. Иначе говоря, порядок существует как непрекращающаяся парадигма управления, согласующая имманентные взаимодействия с трансцендентным замыслом. Трансцендентный провиденциальный план постепенно утрачивает явную отсылку к Богу и превращается в представление об имманентном, саморегулирующемся порядке природы и общества. Именно этот процесс секуляризации провиденциальной *oikonomia* (в переводе Агамбена на русский используется вариация русскоязычного написания: *οικονομία*, т. е. управление хозяйством) позволяет лучше понять, почему Хайдеггер диагностирует западную метафизику как обладающую онтологической структурой: бытие по-прежнему мыслится через высшее сущее, которое теперь выступает в форме самодостаточной, внутренне гармоничной системы.

Очерченный проект природы не обходит стороной и классическую экономию, уравнивающую рыночных агентов в их общем воззвании к эгоизму друг друга; хотя презумптивная цель индивидуальных человеческих действий не предусматривает воспроизводства коллективной гармонии самой по себе, их вписанность в заданные условия обеспечивает установление этой гармонии. При этом уравнивающая логика и представление порядка в качестве саморегулирующегося изначально указывают на математизацию. Сообразно новоевропейскому математическому естествознанию экономика «может оперировать так математикой лишь потому, что в более глубоком смысле она с самого начала уже математична» [Хайдеггер 1993, с. 43]. Математическое, или уже-известное (греч. *τὰ μαθήματα*), предстает как априорная структура самого проекта сущего, обеспечивающая возможность равновесия до всякого эмпирического исследования. В этом отношении математическое сохраняет глубокую связь с божественным: оба измерения суть заранее предполагаемые и, кроме того, обеспечивающие исходную гармонию имманентного порядка.

⁵ Латинское слово *status*, однокоренное с греч. *στάσις*, указывает на стояние или со-стояние, наличное положение дел; стабильность, обеспеченную взаимной компенсацией равных и противоположных сил. Ханна Арендт указывает на то, что «важнейшим техническим инструментом» политической экономики «является статистика, где подрасчетность человеческих реакций подразумевается уже сама собой» [Арендт 2023, с. 56]. Итак, этимологическая связь статистики и статистики очевидна; еще одним встраивающимся элементом этой связи является государство (итал. *stato*), которое для Николо Макиавелли отлично от общества, но все же связано с ним как механизм управления связан с элементами управляемой системы. Целью государства является согласование разрозненных интересов противостоящих социальных групп. «Статистика, т. е. математическое манипулирование действительностью, была вплоть до новоевропейского сдвига неизвестна, но социальные феномены, делающие такую манипуляцию внутри области человеческих реалий возможной, – а именно большие числа, влекущие за собой в социальной практике конформизм, поведенчество и автоматизм, – грекам с их первых шагов были известны очень хорошо», – пишет Арендт далее [Там же, с. 58]. В то же самое время греч. *στάσις* (вариант русскоязычного написания – *стазис*) означает социальную распрю, или гражданскую войну [Агамбен 2021, с. 9]. Это та же апория, которая рассматривается далее в тексте на примере из Фомы Аквинского.

Структурная неопределенность рынка

Итак, экономическая наука исходит из статичного основания априорной структуры, гарантирующей условие когерентности экономического знания и, с другой стороны, указывающей на его возможную математическую формализацию. Обратной стороной статики, однако, оказывается не артикулированная до сих пор динамика самой рыночной системы. Если равновесие задано как регулятивный горизонт прежде всего теоретического исследования, то конкретные рыночные взаимодействия с необходимостью выявляют зазор между идеальной моделью и действительным положением дел. Этим зазором является фундаментальная неопределенность рынка; натурализация рынка через секуляризацию провиденциальной схемы обеспечивает видимое равновесие, тогда как само по себе функционирование рынка предполагает структурную диспропорциональность, которая ретроспективно маскируется теорией общего равновесия.

«Существует фундаментальное различие между вознаграждением за принятие известного риска и за принятие риска, ценность которого неизвестна. Это различие столь фундаментально, что, как мы увидим, известный риск вообще не вознаграждается, не подлежит никакой специальной оплате», – пишет Фрэнк Найт в своей ключевой работе, основанной на диссертации, «Риск, неопределенность и прибыль» [Найт 2003, с. 52]. Лишь принятие ответственности за решения в условиях фундаментальной рыночной неопределенности предполагает вознаграждение, или может считаться эффективным, прибыльным. Неопределенность, подсказывает Джон Мейнард Кейнс, отлична от невероятности: «Под “весьма неопределенным” я подразумеваю совсем не то же самое, что под “весьма невероятным”» [Кейнс 1948, с. 140]; оценка события как «весьма невероятного» указывает на наличие некоторой степени определенности, в то время как «весьма неопределенное» подразумевает принципиальное отсутствие вводных данных. Пустота, коренное незнание – вот что структурно обеспечивает функционирование рынка, намекая на его необходимую диспропорциональность, поскольку не существует механизма согласования будущих пропорций (в силу незаданности как целого), что способствует систематическим рассогласованиям, имеющим структурный характер. Неопределенность рынка – это *нормальная* рыночная ситуация; более того, ситуация желательная. Рынок не только лишь скрывает диспропорциональность за видимостью равновесия, но сам производит равновесие как ретроспективный эффект, маскирующий собственную несоразмерность.

Предшествующий анализ равновесности рыночного порядка утверждает позитивное определение рынка, способствующее его натурализации через посредство секуляризации теологического элемента, встроенного в общую схему природы, и предполагающее формализацию как изначально намеченный план исследования. Если у порядка более не существует эпистемического основания, подлежащего познанию, как на то указывают замечания о фундаментальной неопределенности рыночной системы, связанной с ее незргодичностью (будущее онтологически отлично от настоящего и прошлого, соответственно, не существует способов его рационального анализа), то порядок сохраняется лишь в качестве регулятивной фикции, приписываемой результатам рыночных взаимодействий. Данный тезис продолжает логику секуляризации экономического порядка: провиденциальная схема управления последовательно растворяется в рыночных взаимодействиях, которым – *самим по себе* – приписывается регулятивная роль. Теологический остаток существует как пустующее место основания; структура, лишившаяся содержательного наполнения или сохраняющая только провиденциальную *форму*. Рынок воспроизводится благодаря отсутствию познаваемого основания собственного порядка, а не вопреки ему. Последующий анализ будет сфокусирован на обозначении патологического, исключаяющего (или психоаналитического) способа прочтения нормативной неопределенности, акцентирующего разрывы и смещения – в данном случае связанные с аксиоматикой рыночной логики.

Развивая психоаналитическое понятие любви, Аленка Зупанчич противопоставляет любовь в том смысле, в котором ее понимает Жак Лакан, любви куртуазной [Зупан-

чич. О любви как комедии 2020, с. 67]. Куртуазная любовь отличается тем, что рыцарь выбирает объектом своего поклонения недоступную – прежде всего по ряду социальных причин – Прекрасную Даму, которая выступает в качестве Музы, сподвигающей рыцаря к подвигу, к преодолению себя. Так, в куртуазной любви недоступность Дамы является условием возможности продуктивного действия, что раскрывает любовь как поклонение, т. е. в качестве диспропорциональной; в этом и состоит ее трагичность: ключевой диспропорцией древнегреческой трагедии как раз и является напряжение между героем и роком, необходимого исполнения которого первый не в состоянии избежать⁶. Особенностью психоаналитического определения любви является то, что для Лакана «любовная сублимация позволяет наслаждению снизойти до желания» (цит. по: [Там же]). Иначе говоря, наслаждение (фр. *jouissance*), исходящее из влечения к смерти и в этой связи деструктивное, какое характерно для зависимости, отлично от желания – коренного условия существования, опосредованного, напротив, *эросом*, энергией жизни. Слово «сублимация», этимологически восходящее к лат. *sublimis*, указывает здесь одновременно на очищение и на возвышение (созидательную трансформацию жизненной энергии, очищенной от сырого, неоформленного удовлетворения влечения к смерти, или от избыточности наслаждения). Возвращаясь к сюжету, раскрывающему понятие возвышенного у Канта как чувства, открывающего доступ к невозможности познания вещи-в-себе (в психоаналитических терминах Вещь, нем. *das Ding*), можно отметить, что сублимация, по Лакану, «возносит или возводит объект в ранг Вещи» [Там же].

Любовь предстает в психоаналитическом прочтении как комедия именно в том отношении, что комедия, в отличие от принципиально диспропорциональной трагедии, связана «не столько с разоблачением, выставлением напоказ наготы или пустоты, скрывающейся за видимостью, сколько с *конструированием* пустоты (или наготы)» [Зупанчич. О любви как комедии 2020, с. 68–69]. Это означает, что комедия играет не на нарочитой диспропорциональности (между героем и героем или героем и судьбой), но на минимальном различии, которое симптоматически присутствует в уравнении. Например, фраза из одного из фильмов братьев Маркс, на которую ссылается Зупанчич («Посмотрите на этого парня! Он выглядит как идиот, он ведет себя как идиот, но не дайте ему себя обмануть, он *и есть* идиот!» [Там же, с. 70]), не была бы комичной, если бы между идиотом как видимостью и идиотом как сущностью, которые как бы уравниваются («Он выглядит как идиот, ... он *и есть* идиот!»), не существовало бы минимального зазора. Хотя комедия вплотную приближается к Вещи (которая остается недоступной в трагедии), это еще не значит, что она показывает ее полностью [Там же, с. 77]. Любовь, отсюда, предстает как комическое чувство по двум причинам: «Чудо любви состоит, во-первых, в восприятии двух объектов (объекта банального и возвышенного) на одном и том же уровне, что в то же самое время означает, что ни один из них не заслоняется или заменяется другим. Во-вторых, оно состоит в осознании того обстоятельства, что другой в качестве “банального объекта” и другой в качестве “объекта желания” суть одно и то же...» [Там же, с. 79]. Принципиальная иерархичность куртуазной любви сменяется симметрией, сохраняющей минимальное различие, необходимое как указание на невозможность тотального совпадения двух. Замещение себя объектом поклонения, слияние с Дамой, предполагающееся куртуазной любовью, является фантазмом, которым грезит рыцарь – фантазмом, сподвигающим рыцаря к подвигу.

⁶ Аристотель подчеркивает, что даже имена персонажей трагедии выбираются не случайным образом, как это происходит в комедии, а с необходимой апелляцией к прошлому для большей правдоподобности: «Составив фабулу на основании правдоподобия, комики подставляют случайные имена, не касаясь определенных лиц, как делают ямбографы. А в трагедии придерживаются имен, взятых из прошлого. Причиной этого является то, что возможное (происшедшее?) вызывает доверие» [Аристотель 1927, с. 51–52].

(Важно подчеркнуть, что психоаналитическая оптика не вытесняет здесь теологическую генеалогию Агамбена, но, напротив, дополняет ее, работая на другом уровне той же логики. Если для итальянского исследователя «невидимая рука» является секулярной формой провиденциальной *ойкономии* – управления, которое осуществляется через перманентное удержание разрыва между Провидением и свободными имманентными взаимодействиями человеческих агентов, – то лакановская оптика позволяет описать механизм репродукции этого разрыва на уровне индивидуального действия агента. Иначе говоря, Агамбен регламентирует способ существования и структуру теологического остатка в экономическом знании; в то же время Лакан демонстрирует способ его влияния, функционирования и воспроизводства в субъективном измерении).

Проблема предполагающей равновесности рыночной системы, которая утаивает диспропорциональность как коренное условие функционирования собственного порядка, состоит в принципиальной невозможности совпадения индивидуального и коллективного планов. Хотя такое несовпадение может быть именовано общим местом философской традиции вообще, задача настоящего исследования состояла в том, чтобы прояснить, как данный дисбаланс работает в неоклассической экономической теории. Несовпадение функционирует здесь как секуляризованная форма провиденциальной *ойкономии*, остаток теологического проекта, скрытый в математическом устройении рыночного равновесия. Воспроизводство рыночного порядка *структурно* зависит от этого несовпадения: диспропорциональность является условием работы экономической системы, наследованным от провиденциальной схемы.

Выступающая объектом поклонения «невидимая рука» отнюдь не может быть рассмотрена в качестве инструмента консолидации, поскольку эффективность ее деятельности обеспечена мобилизацией не-отношений, воззванием к эгоизму «мясника, пивовара или булочника» [Смит 2016, с. 77]. «Невидимая рука рынка, предположительно присматривающая за общим благосостоянием и справедливостью, всегда также уже представляет собой и невидимое рукоблудие рынка, размещающее большую часть богатств определенно вне общей досягаемости» [Зупанчич. Что есть секс? 2020, с. 67]. Логика этого смещения – с общего блага на самолюбование – требует пояснения. Невидимое «рукоблудие» рынка указывает на структурно тождественный «невидимой руке», но обратный процесс: рынок воспроизводит себя не через предполагаемую консолидацию интересов, как то обнаруживается в классической экономике, но именно через их принципиальную несовместимость, т. е. посредством мобилизации *не-отношений*. В обоих случаях отсутствует внешняя регулятивная инстанция и возникает эффект спонтанной организации; разница, однако, состоит в том, что «невидимая рука» маскирует отсутствие отношений видимостью гармонии, тогда как указание на ее «рукоблудие» вскрывает не-отношения в качестве конститутивного принципа.

Полное слияние с Дамой означает для рыцаря не только замещение себя объектом поклонения, но также и сам по себе тупик мастурбационного самоудовлетворения, реализация которого поддерживается подвигом как невозможным (в «нормальных» условиях). Если подвиг рыцаря совершается ради слияния с Прекрасной Дамой, то он по определению не имеет смысла; однако именно бессмысленность сподвигает рыцаря к действию. Ровно так же обстоят дела и в рыночных условиях: если частный интерес целенаправленно служит общественным целям, то он абсурден. Когерентность рынка обеспечена самой *невозможностью* выведения связи между индивидуальным и коллективным из частного интереса; конститутивной невозможностью, которая и гарантирует воспроизводство рынка через посредство индивидуальных экономических действий. Проще говоря, агенту необходимо действовать так, *как если бы* социальная гармония действительно существовала, что отражено в изначальном замысле политической экономики как равновесной науки, маскирующей диспропорциональность за ширмой натурализации и следующей за ней возможностью математической формализации.

Итак, теологический остаток обнаруживается здесь в поле несовпадения эсхатологии (Провидения, замысла) и истории (имманентной игры хаотичных интересов че-

ловеческих агентов) – более точно, в специфическом способе обработки этого зазора неоклассическими экономистами. Рынок занимает место Провидения потому, что, подобно Богу (который «царствует, но не правит»), функционирует в качестве порядка, который держится в силу собственной непостижимости; такой непостижимости, впрочем, необходимо сохранять тайну собственной неполновесности для того, чтобы агенты были способны продолжать действовать.

Список источников

- Агамбен Дж. Царство и Слава: к теологической генеалогии экономики и управления / пер. с итал. Д. Фарафоновой (гл. 1–8), Е. В. Смагиной (приложение) ; под науч. ред. Д. Е. Раскова, А. А. Погребняка, Д. С. Фарафоновой. М. : Изд-во Института Гайдара ; СПб. : СПбГУ. Факультет свободных искусств и наук, 2019. 552 с.
- Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. *Homo sacer*, II, 2. СПб. : Владимир Даль, 2021. 192 с.
- Арендт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни. М. : Ад Маргинем Пресс, 2023. 416 с.
- Аристотель. Поэтика / пер., введ. и примеч. Н. И. Новосадского. Ленинград : Academia, 1927. 121 с.
- Зупанчич А. О любви как комедии // *Любовная машина ; Лакан и Спиноза ; Комедия любви*. СПб. : Алетейя, 2020. С. 67–87.
- Зупанчич А. Что есть секс? СПб. : Скифия-принт, 2020. 262 с.
- Кант И. Критика способности суждения : пер. с нем. / вступ. ст. А. Гулыги. М. : Искусство, 1994. 367 с.
- Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. проф. Н. Н. Любимова ; вступ. статья проф. И. Г. Блюмина. М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1948. li, 399 с.
- Маршалл А. Принципы экономической науки. М. : Директ-Медиа, 2012. 2126 с.
- Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль / пер. с англ. М. Я. Каждана. М. : Дело, 2003. 360 с.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2016. 1056 с.
- Смит А. Теория нравственных чувств / вступ. ст. Б. В. Мееровского ; подгот. текста, коммент. А. Ф. Грязнова. М. : Республика, 1997. 351 с.
- Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. *Время и бытие : статьи и выступления* / [сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибикина]. М. : Республика, 1993. С. 41–62.
- Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса / пер. с англ. Н. Автономовой при участии И. Осадчей и Н. Розинской под науч. ред. В. Автономова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 400 с.
- Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. : пер. с англ. Т. 1. СПб. : Экономическая школа, 2004. lvi, 496 с.
- Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. : пер. с англ. Т. 3. СПб. : Экономическая школа, 2004. x, 678 с.
- Arrow K. J. An Extension of the Basic Theorems of Classical Welfare Economics // *Collected Papers of Kenneth J. Arrow. Vol. 2 : General Equilibrium*. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1983. P. 13–45.
- Arrow K. J., Debreu G. Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy // *Econometrica*. 1954. Vol. 22, no. 3. P. 265–290.
- Debreu G. The Coefficient of Resource Utilization // *Econometrica*. 1951. Vol. 19, no. 3. P. 273–292.
- Deleule D. Hume et la naissance du libéralisme économique. Paris : A. Montaigne, 1979. 414 p.
- Kennedy G. Paul Samuelson and the invention of the modern economics of the Invisible Hand // *History of Economic Ideas*. 2010. Vol. 18, no. 3. P. 105–120.
- Keynes J. M. Alfred Marshall, 1842–1924 // *The Economic Journal*. 1924. Vol. 34, no. 135. P. 311–372.
- Misaki K. Léon Walras and The Wealth of Nations: what did he really learn from Adam Smith? // *The European Journal of the History of Economic Thought*. 2021. Vol. 28 (3). P. 404–418. DOI 10.1080/09672567.2020.1837198.

- O'Donnell R. Invisible and Visible Hands. What Kind of Economist is Adam Smith, and Why is He Still Relevant? // Review of Political Economy. 2024. DOI 10.1080/09538259.2024.2335751.
- Prasch R. E., Warin T. Dupont de Nemours and the origin of the maxim 'laissez faire, laissez passer' // International Journal of Economics and Business Research. 2019. Vol. 17, no. 4. P. 448–458. DOI 10.1504/IJEER.2019.099974.
- Samuelson P. A., Nordhaus W. D. Economics. 19th ed. New York : McGraw-Hill, 2010. xxiv, 717 p.

Информация об авторе

Павел Гордок, ассистент кафедры социальной философии, аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Pavel Gordok, Assistant at the Department of Social Philosophy, Postgraduate student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 27.04.2026.

Одобрена после рецензирования | Revised 27.05.2026.

Принята к публикации | Accepted 27.05.2026.